

➔• ЛЮБИМЫЕ ПИСАТЕЛИ – ДЕТЯМ •➔

РОБЕРТ ЛЬЮИС

СТИВЕНСОН

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

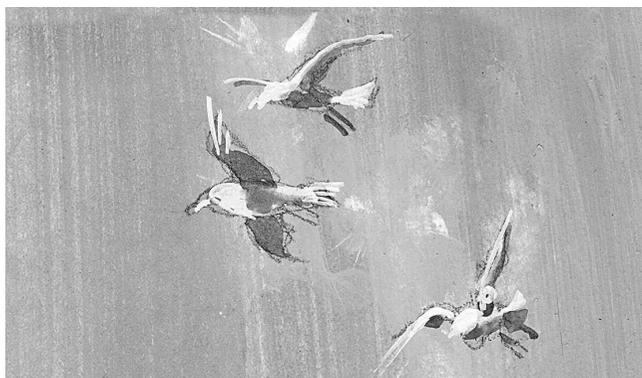
К.Ли и М.Салтыкова

«МАЛЫШ»

Часть первая
СТАРЫЙ ПИРАТ

Глава I
НОВЫЙ ПОСТОЯЛЕЦ
ТРАКТИРА «АДМИРАЛ БЕНБОУ»

ЭТА ИСТОРИЯ НАЧАЛАСЬ В ТОТ ДЕНЬ, когда возле трактира «Адмирал Бенбоу», который содержал мой отец, появился старый загорелый моряк со шрамом на щеке. Помню, как он окинул взглядом нашу бухту и вдруг хриплым голосом прогорланил начало старой матросской песни:

*Пятнадцать человек на сундук мертвеца,
Йо-хо-хо, и бутылка рому!*

Потом он стукнул своей палкой, похожей на гандшпуг*, в нашу дверь, и когда отец открыл ему, грубо потребовал рому.

— Что ж, неплохое место для стоянки! — проговорил он, прихлёбывая из стакана. — Я, пожалуй, брошу здесь якорь ненадолго. Человек я простой. Ром, яичница, свиная грудинка, да ещё вид на море — вот всё, что мне нужно. А пока держите!

С этими словами он бросил к порогу несколько золотых монет.

— Когда понадобится — скажете, дам ещё, — добавил он и велел заносить его сундук.

Как мы узнали позднее, звали его Билли Бонс, но сам он велел называть себя капитаном. И в самом деле, несмотря на потрёпанную одежду и грубые манеры, на простого матроса новый постоялец не походил.

Был он неразговорчив. Днём бродил по берегу с подзорной трубой, время от времени разглядывая морскую даль, а по вечерам сидел в трактире у огня и пил ром. В разговоры он ни с кем не вступал, а в ответ на вопросы только свирепо шевелил бровями да свистел носом наподобие паровой сирены. Так что вскоре все оставили его в покое, что ему, похоже, и было нужно. А если к нам заходил какой-нибудь моряк, направлявшийся в Бристоль, он долго и

* Гáндшпуг — рычаг для подъёма тяжестей (*здесь и далее прим. ред.*).

настороженно наблюдал за ним из-за занавески, прежде чем выйти.

Я-то понимал, в чём тут дело. Однажды капитан по секрету пообещал платить мне по четыре пенса в месяц, чтобы я следил, не появится ли где одноногий моряк, и если увижу, сразу сообщил ему.

Ох, и намучился же я за эти четыре пенса! Этот одноногий снился мне каждую ночь. Он преследовал меня, перепрыгивая через валуны и заборы. Иногда он представлялся мне каким-то чудовищем — единственная нога росла у него то из груди, то из спины. И я просыпался в холодном поту.

И всё же самого капитана я боялся гораздо больше. В иные вечера он так накачивался ромом, что начинал распевать жуткие морские песни. А порой звал посетителей к своему столу, угощал всех вином и требовал, чтоб ему подпевали хором. И все послушно подхватывали, стараясь перекричать друг друга, потому что капитан был страшен в гневе. А гневался он по любому поводу и никого тогда не выпускал из трактира, пока выпитый ром не валил его с ног.

А иногда он заставлял слушать его рассказы, и это было страшней всего. Леденящие душу истории о кораблекрушениях, о зверствах пиратов, о виселицах и других жестоких казнях приводили в трепет не только меня, но и взрослых слушателей. Судя по всему, жизнь его прошла в окружении одних лишь злодеев и мерзавцев.

Мой отец поначалу опасался, что капитан распугает всех посетителей. Но как ни странно, местных жителей тянуло к нему. Он привнёс в их жизнь нечто новое, он был частью того мира, где происходят необыкновенные, яркие события, где бушуют штормы и кипят страсти. «Вот это настоящий морской волк!» — восхищалась молодёжь. Да, именно такие люди приносили Англии славу «грозы морей».

Впрочем, убытки от него тоже были немалые. Прошёл месяц, другой; деньги, полученные нами от него в первый день, давно кончились, а новых он не платил. Отец попытался однажды напомнить капитану об оплате, но тот так зарычал в ответ, что бедняга в ужасе выскочил за дверь. Думаю, что страх перед постояльцем ускорил его преждевременную кончину.

Так всё и продолжалось — капитан по-прежнему старался ни с кем не общаться, кроме тех вечеров, когда был сильно пьян. Писем он не получал и сам никуда не писал. Одежда его ветшала, а другой у него, похоже, не было. И никто ни разу не видел, чтобы он заглядывал в свой сундук.

Все, как и прежде, трепетали перед ним, и только один человек осмелился возразить ему. Случилось это так.

Однажды вечером к моему хворающему отцу пришёл доктор Ливси. Осмотрев больного и наскоро пообедав тем, что приготовила моя мать, он спустился в общую комнату. Сразу стало заметно,

насколько доктор отличается от деревенской голытьбы. В безупречном костюме, белоснежном парике, изящный, вежливый, он сел и, не спеша покуривая трубку, завёл разговор с садовником.

Билли Бонс в этот вечер как раз нагрузился ромом и в одиночестве сидел, навалившись на стол. Вдруг он заревел во всю глотку:

*Пятнадцать человек на сундук мертвеца,
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Пей, и дьявол тебя доведёт до конца,
Йо-хо-хо, и бутылка рому!*

Все уже привыкли к этой песне, но доктору она явно не понравилась. Он прервал беседу и недовольно взглянул на поющего. А тот изо всей силы трахнул кулаком по столу, требуя тишины.

Все тут же умолкли, и лишь доктор продолжил неторопливый разговор о лекарствах от ревматизма. Капитан сверкнул на него глазом и вновь ударил кулаком перед собой.

— Эй, там, на палубе, молчать! — заорал он, вдобавок грязно выругавшись.

— Это вы мне, сэр? — спросил Ливси.

— Именно тебе! — И пьяный невежа подтвердил свои слова ещё более мерзкой бранью.

— В таком случае, позвольте вам заметить, — сказал доктор, — что если вы не прекратите пьянствовать,

то вскоре на этом свете станет одним гнусным негодяем меньше.

Надо было видеть, как взбесился капитан! Изрыгая проклятья, он вскочил на ноги, выхватил матросский нож и объявил, что пригвоздит им доктора к стене.

Доктор и бровью не повёл. Он даже не повернулся к пьяному, и взглянув на него через плечо, спокойно произнёс:

— Если вы немедленно не уберёте нож, то клянусь честью, через пару дней будете болтаться в петле по решению здешнего разъездного суда.

Их взгляды встретились — и неустрашимый капитан вдруг опустил глаза. Он сунул нож в карман и грузно опустился на скамью, ворча, словно побитый старый кобель.

— И отныне, сэр, — продолжал Ливси, — за вами будет установлен строгий надзор. Я здесь не только врач, но и судья. Имейте в виду — если вы ещё хоть раз посмеете кому-нибудь нагрубить, как сейчас, вас вышвырнут отсюда в два счёта. Благодарю за внимание.

И даже после того, как доктор уехал, Билли Бонс весь этот вечер и ещё несколько дней был кроток и тих, как мышь.

Глава II

ВИЗИТ ЧЁРНОГО ПСА

КОГДА ПРИШЛА ЗИМА И НАЧАЛИСЬ трескучие морозы, стало ясно, что мой отец вряд ли дотянет до весны. Всё хозяйство осталось на нас с матерью, и нам было уже не до капитана.

Как-то ранним морозным утром, когда солнце ещё не взошло и освещало лишь вершины холмов да море вдали, капитан, поднявшись раньше обычного, отправился к морю. Я видел, как он, держа под мышкой подозрную трубу и бормоча что-то себе под нос, скрылся за высоким утёсом.

Мать оставалась в комнате отца, и я принялся накрывать стол к завтраку. Вдруг дверь отворилась, и на пороге появился незнакомец.

Привыкнув разглядывать моряков — не важно, одноногих или нет — я был несколько озадачен. У гостя было землистое, а не загорелое лицо, и кроме кортика в нём не было ничего морского. Но почему-то мне сразу показалось, что он моряк.

Сначала он попросил рому, но после раздумал и, усевшись за стол, подозвал меня к себе.

— Не иначе, ты накрываешь стол для моего приятеля Билли?

Я ответил, что стол накрыт для нашего постоянного гостя, который просит называть его капитаном.

— Так и есть, — улыбнулся гость. — Билли всегда мечтал, чтоб его так величали. А ещё у него на правой щеке шрам, не так ли? И манеры у него самые приятные, особенно когда выпьет... Одним словом: как бы мне повидаться с моим старым добрым другом Билли?

— Он отправился на прогулку.

— А далеко?

Я указал на утёс за окном.

— И давно?

— Не слишком.

Он ещё о чём-то расспросил меня и наконец удовлетворённо кивнул.

— Ну что ж, думаю, Билли обрадуется мне не меньше, чем дармовой выпивке.

Но глядя на злое выражение его лица, я в этом усомнился. Впрочем, меня это не касалось, и я

направился к дверям. Однако незнакомец не дал мне уйти.

— Тебе, я полагаю, лучше остаться. И не вздумай мне перечить, мой мальчик. Если бы ты поплавал с такими людьми, как Билли! У них было не принято повторять дважды... А-а, вот, кажется, и мой долгожданный приятель! Ну-ка, сынок, давай разыграем старину Билли, дай ему бог здоровья...

Мне было не по себе, когда он заставил меня спрятаться вместе с ним за открытой дверью. К тому же гость и сам изрядно трусил — я видел, как он ухватился за кортик и чуть выдвинул его из ножен.

И вот в трактир ввалился капитан. Захлопнув дверь, он двинулся к накрытому столу.

— Билли! — негромко окликнул его незнакомец.

Капитан развернулся на каблуках — и с его лица словно сошёл загар. Наверное, так бледнеют при встрече с привидением.

— Ты что же, не узнаёшь своего корабельного товарища?

Капитан открывал и закрывал рот, будто рыба на песке.

— Чёрный Пёс! — с трудом выговорил он.

— Он самый, — улыбнулся незнакомец. — А почему бы Чёрному Псу не навестить старого друга? Ведь сколько воды и рому утекло с тех пор, как я лишился пары когтей! — И он поднял руку, на которой не хватало двух пальцев.

— Ладно, — сказал капитан. — Раз уж выследил меня, говори скорей, зачем пришёл.

— Узнаю старину Билли! Что ж, поговорим, а мальчик пока что подаст нам рому.

Когда я принёс бутылку, Чёрный Пёс отправил меня на кухню, а дверь велел оставить открытой.

— Это чтобы у тебя, дружок, не было соблазна подсмотреть в замочную скважину, — пояснил он.

Мне из кухни поначалу был слышен только неразборчивый говор. Но капитан постепенно повышал голос. Наконец он прокричал:

— Нет, нет, ни за что! И хватит об этом!

И добавил:

— Уж если быть вздёрнутым, то вместе со всеми!

В ответ послышалась грубая брань, затем раздался грохот опрокинутой мебели, лязг стали и чей-то вскрик. Выглянув в дверь, я увидел, как капитан гонится за своим гостем, бегущим к двери. Оба держали кортики, а у Чёрного Пса на плече была кровь. У самой двери капитан замахнулся, чтобы вонзить кортик в спину убегающему, но лезвие зацепилось за вывеску «Адмирал Бенбоу» — след на ней виден до сих пор.

Чёрный Пёс выскочил на дорогу, и только мы его и видели. А капитан застыл в дверях, тупо глядя на вывеску. Затем он провёл рукой по лицу и ухватился за дверной косяк.

— Джим, рому! — прохрипел он.

— Вы не ранены? — воскликнул я.

— Я сказал, рому! — повторил капитан. — Нужно сматываться...

Но уже возвращаясь с ромом, я услышал, как что-то тяжело грохнулось об пол, и увидел капитана, растянувшегося во весь рост посреди комнаты. Лицо его было багровым, он часто и тяжело дышал.

Мы с матерью пытались помочь ему. Я хотел влить ром ему в рот, но его челюсти были сжаты, глаза он тоже не открывал.

На наше счастье, как раз пришёл доктор Ливси, чтобы осмотреть моего отца.

— Доктор, помогите! — взмолились мы. — Он, кажется, ранен...

— Это не рана, — ответил доктор. — Это называется «удар». Иначе и быть не могло... Неси таз, Хокинс. Нечего делать, попытаемся спасти эту трижды никчёмную жизнь. Надеюсь, ты не боишься крови?

Когда доктор засучил капитану рукав, на мускулистой загорелой руке стали видны татуировки: «На счастье», «Семь футов под килем», «Удачи Билли Бонсу», а также рисунок человека на виселице.

— Очень подходящий сюжет, — усмехнулся Ливси и ланцетом вскрыл капитану вену.

Много вытекло тёмной крови из его руки, прежде чем капитан очнулся.

— Где Чёрный Пёс? — первым делом спросил он, пытаясь подняться.